

UDC 80

Verbalization of Vers Libre Discourse Pathos in Modern Books from Linguo-rhetoric Perspective

Marina M. Mishina

Sochi State University, Russia

Sovetskaya street 26a, Sochi city, Krasnodar Krai, 354000

PhD student

E-mail: mishinamarina@rambler.ru

Abstract: The article in terms of linguo-rhetoric paradigm analyses pathos and methods of its verbalization from the perspective of linguistic personality of vers libre discourse texts author.

Keywords: Pathos; verbal-semantic level of linguistic personality; vers libre discourse; linguo-rhetoric paradigm.

Пафосно-вербально-элокутивные параметры дискурса содержат эмоциональные проявления языковой и литературной личности его продуцента (коммуникативная деятельность), представленные на собственно лингвистическом уровне (языковые операции), а также с помощью тропов и фигур – на риторическом уровне элокуции (текстовые действия). В данной статье рассмотрим два первых аспекта вышеназванной триады лингвориторических (ЛР) параметров в общей системе терминологических координат ЛР парадигмы [1–5], т.е. пафос и особенности его вербализации языковой личностью верлибриста на материале антологий последних десятилетий.

Как показали результаты анализа, при наличии определенного жанрового инварианта современного верлибрического дискурса специфика репрезентаций названных ЛР параметров варьируется в идиостилевом плане от автора к автору, от стиха к стиху. **Пафос** выражает индивидуально-авторское начало и передается с помощью повышенной эмоциональной экспрессии верлибра, которая может быть выражена различными способами. Как подчеркивает М.Н. Макеева, «пафос художественной речи проявляется в развитии воображения читателя», это – «часть личной психологической сущности человека» [6]. Согласно Е.Н. Зарецкой, в совокупности с логосом (рациональным) и этосом (авторитетом доверия к говорящему) с помощью пафоса осуществляется воздействие на читателя [7]. В первой части статьи примеры анализируемых текстов приводятся нами по изданию [8].

Верлибр Г. Алексеева «Посмотришь, прищурясь, в даль...» отличается композиционной четкостью, представленной во взаимосвязи всех аспектов: пафосного, вербального и элокутивного. В данном верлибре автор играет с читателем, разыгрывает его: он призывает напрячь зрение и рассмотреть некий берег, затем ставит данную задачу под сомнение, а в конце стихотворения признается, что берега и вовсе не было. Таким образом, в качестве ведущего приема ЛР изобретения, раположения и выражения используется «эффект обманутого ожидания». Верлибр состоит из трех частей. Композиционное оформление основано на графическом делении, которое совпадает с типом предложений по эмоциональной окрашенности: первая часть состоит только из повествовательных предложений, вторая – из вопросительных, а третья – из восклицательного предложения:

1-я часть: *Посмотришь, прищурясь, в даль – / берега не видно...*

2-я часть: *Зачем же тревожиться? / Не лучше ли радоваться?*

3-я часть: *Радуйтесь, / радуйтесь: / берега нет – / безбрежность!*

Эмоционально нагруженная первая часть верлибра сменяется во второй части вопросительными предложениями, представленными выше, в которых автор допускает возможность не тратить столько душевных сил в связи изложенным ранее. А в третьей части он прямо призывает читателя радоваться и сообщает, что *берега нет* вообще. Таким образом, разрешается напряжение эмоционального конфликта, он завершается поэтической кодой, ассоциирующейся со спокойной безбрежной гладью океана. Указанные выше три части верлибра корреспондируют с композицией любого прозаического художественного произведения: в данном случае первая часть – завязка, развитие действия и кульминация одновременно, вторая и третья части – развязка. Таким образом, наблюдается явление многофункциональности верлибрического пафоса, который выполняет в том числе сюжетобразующую функцию в формировании инвентивно-диспозитивного каркаса текста.

Приведем пример верлибра, в котором риторический пафос формируется и за счет самого построения верлибра в форме диалога: *За окном разгомонились капли / тающего снега. / «Она его любит», – прозвенела одна. / «Ничего подобного», – прозвенела другая. / «Вы обе правы», – сказала третья* (В. Еременко. «Разговор за окном»). Здесь описываются женские чувства, трудноуловимые, подчас противоречивые. То, что реплики снежинок антонимичны друг другу, усиливает живость, эмоциональность текста. Наиболее эмоционально насыщенными в данном верлибре, на наш взгляд, являются словоупотребления *разгомонились* и *прозвенела*. Последнее несет и «звукописную» нагрузку, будучи контекстуальным синонимом слова *сказала*.

Эмоционально насыщенным является верлибр Г. Алексеева «Снег». Снег, падающий на глаза, в индивидуально-авторском видении, очень похож на слезы: *И начинает казаться, / что ты плачешь, / тихо плачешь холодными слезами, / безутешно, / безутешно плачешь, / стоя под снегом, / трагически запрокинув голову. / И начинает казаться, / что ты глубоко, / глубоко несчастен*. Последнее слово – кульминационное в эмоциональном плане. Антитезисная развязка представлена следующей строфой: *Для счастливых / это одно удовольствие*.

Интересно отметить, что верлибр Д. Каракмазлы «О, это равнодушие...» построен таким образом, что пафос (эмоция гнева) в нем постепенно нагнетается, наивысшей точкой напряжения является строфа *Оно сильнее смерти и разрушительней обвала*, после которой идет как бы объективное оправдание равнодушия и последняя строфа совершенно снимает эмоциональный конфликт: *А на растение нельзя обижаться*. Здесь пафос вновь играет сюжетобразующую функцию: *О, это равнодушие, / Оно сильнее смерти и разрушительней обвала, / Ты просто злое растение, / А на растение нельзя обижаться*. С помощью качественных прилагательных, в том числе в сравнительной степени, выражается авторская оценка изображаемого: *сильнее, разрушительней, злое*.

Верлибр может быть построен на «пафосе-антитезе», как это происходит в тексте С. Носова, основанном на противопоставлении частей. Первая часть «отрицательная»: автор *не желает, не хочет* отказываться от радостей жизни; вторая – «положительная»: автор *хочет* долгой счастливой жизни.

На противопоставлении характера эмоциональной экспрессии основан и верлибр И. Мозыря. В нем дается определение верлибра как особого стихотворного жанра и способа мировидения, представлены определения верлибра, передана его суть как жанра. Тем самым представлен аспект *метапоэтики* верлибра на основе восприятия его специфики самим продуцентом – языковой и литературной личностью верлибриста. Поэтический текст основан на сочетании противоречивых характеристик верлибра как такового и сам верлибр состоит из противопоставлений.

Например: *это полет без крыльев, / Но с ракетным двигателем; движение / Без опоры, дыхание / Без воздуха, свет / Без тепла.*

Таким образом, если говорить о пафосе современного верлибрического дискурса в целом, то следует отметить сфокусированность последнего именно и преимущественно на передаче определенных чувств и эмоций. Свободная, а значит, непредсказуемая форма верлибра как нельзя лучше подходит для решения этой художественной задачи. Авторы самим строем инвентивно-диспозитивного каркаса стиха и особенностями его элокутивного наполнения стремятся передать чувства чистой искренней любви, настоящей дружбы, а также эмоции гнева, смятения, отчаяния, мимолетные ощущения и др. При этом общий колорит *романтического* пафоса сочетается с другими его видами. *Трагический* пафос изучают контексты, репрезентирующие описание разлада лирического героя с самим собой, с любимым человеком, с окружающими, с самой жизнью и т.д. Пафос становится *обличительным*, когда пародируются такие отношения между людьми, которые существуют только на формальном уровне, или характеризуются пошлостью, подлостью, жестокостью, предательством.

С охарактеризованными выше ЛР особенностями воплощения авторского пафоса тесно связана **вербально-семантическая** организация верлибрического дискурса, рассматриваемая на уровне ассоциативно-вербальной сети как структурного компонента языковой личности верлибриста и «ядра» его литературной личности. Материальными носителями эмоций в дискурсивно-текстообразующем процессе являются слова (уровень лексических операций, осуществляемых литературной личностью верлибриста), они есть те элементарные единицы, с помощью которых генерируется дискурс, формируются категориальные ряды и, тем самым, реализуются все этапы универсального идеоречевого цикла «от мысли к слову»: инвенция, диспозиция, элокуция. Вербально-семантическую организацию исследуемого нами типа дискурса определяют и особенности морфемного состава слов (уровень морфемных операций), их морфологической отнесенности (уровень морфологических операций); специфика вводных слов и словосочетаний, выражающих авторскую позицию, особенности синтаксического строя и др. средств (уровень синтаксических операций). Вышеназванные уровни языковых операций характеризуют языковую субкомпетенцию продуцента дискурса, которая в совокупности с его текстовой и коммуникативной субкомпетенциями образуют интегральную ЛР компетенцию автора верлибра как профессиональной языковой и литературной личности.

Как показали результаты анализа, на уровне лексических операций в текстах верлибра весьма распространены обозначения промежутков времени: времени суток, времен года: *век, столетья, сумерки, ночь, весна, зима*. Широко представлены современные реалии: *пиво, папирсы, доходные дома, лестницы, парк, коляски, магазин, низкокалорийные тортики* и т.д. Частотны имена художников, общественных деятелей: *Альфонс Муха, Шехтель, Врубель, Гауди, Климтом, Бёрдслей, Савва Морозов* и др.

Тематическая отнесенность единиц лексического слоя детерминирует процессы восприятия, анализа и интерпретации художественного произведения, т.к. именно на их основе формируется феномен инвентивно-элокутивной координации как словесно-ментальный базис всего дискурс-текста. Атмосфера космогонической мистики, вселенской тайны бытия присутствует в верлибре Е. Брайчук «Космический ветер...», что передается единицами соответствующего лексико-семантического поля: *космический ветер, сознание, пустота, Человек, мир, поле, энергия*. Эти слова придают верлибру как масштабность, так и таинственность. В похожем инвентивно-элокутивном ключе выдержан верлибр А. Иванникова: *Над холодами столетья царит звездная жуть. / Свет оскопленных звезд / проникает в ущелье*

распахнутых улиц. / Marionетки прохожих на нитях лунного света. / Одиноко высится темное небо. / Небо гулкое, как тамбурин. / Как слово забытое – «Нет». Отметим, что лексический ряд: *холода, столетья, жуть, ущелье, одиноко, темное, гулкое, забытое* – формирующий в том числе «зловещие» метафоры по принципу антитезы двух миров, космического и земного (*холода столетья, звездная жуть, оскопленных звезд // ущелье улиц, марионетки прохожих*) – передает атмосферу таинственности и одиночества, страха перед бесконечностью Вселенной, безразличной к человеческим чувствам, в строчках ощущается некая «мистика потерянности» людской песчинки в безбрежном космическом океане.

Далее приведем наиболее типичные примеры по другому верлибрическому сборнику [9]. Как было показано выше, художественное пространство верлибра часто организует антитеза двух миров, которая формируется благодаря последовательному противопоставлению двух рядов словоупотреблений. Так в верлибре Д. Григорьева «Строители потеряли уровень...» мир людей противопоставлен миру природы: с одной стороны, ментальное видение реципиента организует лексический ряд *строители, уровень, окошко, вертикаль, рабочие, каски*, с другой – словесный ряд *деревья, сад, птицы*. Ключевыми лексемами являются два слова: *строители* и *деревья*. При этом автор отдает приоритет деревьям (а значит и природе, которая восстает за этим словом согласно топу «часть – целое») как носителям подлинной мудрости жизни.

В верлибре Е. Долгих «Возвращать» частотны лексемы *никуда, то что есть, то чего нет, от меня / то чего нет и так, я его выдумал, остальное*. Они передают обозначения неопределенных понятий, как бы ничего не означающих, очень зыбких, у них словно нет содержания, они неуловимы, нереальны, что весьма характерно для постмодернистского художественного мира современного верлибрического дискурса. В то же время продуценты верлибра часто используют уменьшительно-ласкательные суффиксы (уровень морфемных операций), создающие уровень предельной конкретности в представлении референта: *маленькая комнатка, дружок, песенки, молоденькая, худенькая* и т.д. В верлибре частотна игра слов, зачастую основанная на звукописи (уровень фонетических операций). Например: ***н а с т о я щ е е или нас стоящее / мгновение, дуновение, мановение, веяние...*** (Т. Буковская «Я поняла – я живу в зазоре...»).

На уровне морфологических операций продуцента дискурса грамматическая форма лексем, употребленных в том или ином верлибре, зависит от общего замысла, тона произведения, обусловленных, в свою очередь, интенциональным авторским спектром. Например, в верлибре Б. Констриктора «Поздней осенью...» представлена как бы застывшая картинка, зарисовка, действий нет и, соответственно, употреблен только один глагол – несовершенного вида, в форме инфинитива – *гулять: поздней осенью / хорошо гулять / с молоденькой барышней Зимой / первый снег / как первая любовь / платонические чувства*. Автор намеренно не использует здесь глаголов, чтобы сосредоточить внимание на созерцании и ощущениях. Верлибр А. Макарова-Кроткова, напротив, насыщен глаголами, чем обусловлена его яркая динамичность: *и всё-таки / спрашивает / и всё-таки / молчу / улыбаюсь / не дышу*. Как видим, здесь тоже изображается чувство; хотя оно и передается глаголами, физического действия как такового здесь фактически нет. Это объясняется семантикой используемых автором глаголов, которые выражают отсутствие действия. Тема верлибра И. Денисовой «Предположения» – рассуждения о будущем; она определяет и форму глаголов в стихотворении – будущее время: *будет, стану, выйду замуж, рожу, станем близки, поеду, займусь*.

На уровне синтаксических операций автора как языковой личности строй современного верлибра весьма разнообразен: простые односоставные назывные

предложения; простые предложения, осложненные обособленными определениями, рядами однородных членов и т.д. Этим объясняется общая причудливость синтаксического рисунка верлибра (ее оборотная сторона – «синтаксическая изобретательность» автора-верлибриста), активизирующая внимание реципиента и обогащающая читательское восприятие текста, которое, тем самым, зачатую превращается в определенную интеллектуальную и эстетическую игру. Именно этим, на наш взгляд, обусловлен тот коммуникативный эффект «удовольствия от текста», который получают приверженцы и поклонники данного жанра современной поэзии, достаточно элитарного. Отметим также, что на синтактико-пунктуационном уровне в верлибре часто совершенно отсутствуют знаки препинания, но, тем не менее, реципиент может мысленно восстановить их; это тоже способствует активизации его внимания, интенсификации процессе генерирования читателем на уровне внутренней речи «ментального плана» собственного дискурса – рецептивного дискурса-интерпретанты.

В связи с вышесказанным возникает теоретическая необходимость каким-то образом классифицировать и дефинировать коллективную языковую личность реципиента – любителя современного верлибра. В первом приближении можно квалифицировать ее как своего рода «культуростратную языковую личность», принимая во внимание терминологический ряд, уже сложившийся в рамках Сочинской лингвориторической школы: коллективная языковая личность этноса – совокупная языковая личность этносоциума (А.А. Ворожбитова) / совокупная региональная языковая личность (А.С. Зубцов), социостратная языковая личность (напр., студенты) и этносоциостратная языковая личность (студенты российские / американские) (Т.Е. Ренз), групповая языковая личность (авторы статей одного тематического сборника) (И.В. Анистратенко), коллегиальная языковая личность (ученые, пишущие в рамках одного научного направления), с подразделением на контактно- и дистантно-коллегиальную языковую личность ученого, при этом дистанция может быть как территориальной, так и временной, а также комплексной (А.Б. Тихонова).

В стихотворении Т. Виноградовой «Последний художник модерна» статический аспект представления референта сочетается с динамическим. Статика создается назывными предложениями, а также лексикой (*застыли*), динамика – глаголами: *расцветают, расправляют, (в любви) признается, ослепил, несут, вибрирует, взлетают, возносит, задыхается, учится, дремлют* – и глагольными формами (*шепчущих*).

В верлибре И. Денисова «Предположения» пафосом, преломленным в тематическом спектре произведения, обусловленном его названием как «концептом текста», определяется синтаксический строй стихотворения: сложноподчиненные предложения с придаточными условия.

В заключение отметим, что пафос рассмотренных нами образцов верлибр во многом репрезентируется за счет риторических вопросов (*мало ли чего хочется?; Вы знаете, что из верлибра / Нельзя / Ни в кого прицелиться?*), риторических восклицаний (*да будьте вы прокляты!; да простит вас бог!; Ваши бюсты стоят на бруствере / Общего окопа, а рифмы – / это пулеметные очереди!*); эмоционально окрашенных междометий (*О, Ах и др.*) и др. эмотивных средств языка.

Таким образом, в рассмотренных в статье и других примерах современного верлибра вербально-семантическое оформление определяется авторским пафосом, тематической доминантой и инвентивно-элокутивной координацией текста в целом. По антитезисному принципу мир мистический, непознанный зачастую изображается в контрасте с миром обыденным, реальным, поэтому бытовая лексика функционирует наряду с лексикой, обозначающей довольно масштабные промежутки времени,

космические материи и т.д. Элокутивное наполнение инвентивно-диспозитивного каркаса воссоздает космические, мистические образы, что в первую очередь, передается на уровне лексики, в том числе авторскими неологизмами, например, «кометоволосые»; космогонию верлибрического дискурса формируют контексты-описания (ночное небо, звезды, луна и др.). Морфологическая и синтаксическая организация верлибрического дискурса подчинены выполнению авторского замысла, который наиболее концентрированно эксплицирован на пафосном уровне. Соответственно грамматический строй верлибрического дискурса имплицитно также зависит от характера пафоса, который преимущественно выступает в качестве романтического пафоса, а также представлен другими типологическими вариантами – восторженный, трагический пафос и др., иногда принимая и обличительный характер.

Примечания:

1. Ворожбитова А.А. Сочинская лингвориторическая школа: программа и некоторые итоги // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. С. 77–83.
2. Ворожбитова А.А. Лингвориторическое образование как социокультурная стратегия // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2003. № 9. С. 88–96.
3. Ворожбитова А.А. Филолог как профессиональная языковая личность в инновационном потенциале федерального государственного стандарта третьего поколения (ФГОС-3): лингвориторико-синергетический подход // Вестник СГУТиКД. 2010. № 4. (14). С. 144–149.
4. Vorozhbitova A.A. Lingual rhetoric paradigm as integrative research prism in philological science // European researcher. 2010. № 2. P. 183–190.
5. Vorozhbitova A.A. Program of professional linguistic personality study in linguo-rhetorical paradigm: scientist-philologist and classic writer // European researcher. 2011. № 4. P. 398–401.
6. Макеева М.Н. Риторика художественного текста и ее герменевтические последствия: Автореферат дис. ... д-ра фил. наук. Краснодар: КубГУ, 2000. С. 9.
7. Зарецкая Е.Н. Риторика: теория и практика речевой коммуникации. М.: Дело, 1998.
8. Антология русского верлибра. / Сост. Карен Джангиров. М.: Прометей, 1991.
9. Перелом ангела: По следам XII Российского Фестиваля верлибра / Сост. Дмитрий Кузьмин. М.: АРГО-РИСК; Тверь: Колонна, 2005. 152 с.

УДК 80

Особенности вербализации пафоса современных текстов верлибрического дискурса в свете лингвориторики

Марина Михайловна Мишина

Сочинский государственный университет, Россия
354000, г. Сочи, ул. Советская 26 а
Аспирант
E-mail: mishinamarina@rambler.ru

Аннотация: В статье освещены с позиций лингвориторической парадигмы особенности пафоса и средств его вербализации в аспекте репрезентации языковой личности автора текстов современного верлибрического дискурса.

Ключевые слова: пафос; вербально-семантический уровень языковой личности; верлибрический дискурс; лингвориторическая парадигма.